

Lemov, Arkadij Vladimirovič

Роль понятия в изменении структуры научного термина на материале функционирования русских лингвистических терминов

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1989-1990, vol. 38-39, iss. A37-38, pp. [75]-81

ISBN 80-210-0168-2

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101699>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АРКАДИЙ ЛЕМОВ

РОЛЬ ПОНЯТИЯ В ИЗМЕНЕНИИ СТРУКТУРЫ НАУЧНОГО ТЕРМИНА НА МАТЕРИАЛЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Вопрос о специфике функционирования в научном термине таких его составляющих, как понятие и лексическое значение, носит полемический характер. Существуют по крайней мере три взаимоисключающие точки зрения: а) понятие и лексическое значение в термине составляют единое целое и не делимы, б) термин вообще не связан с лексическим значением, обозначая лишь понятие об исследуемом явлении, в) термин в равной мере отражает и понятие, и лексическое значение.

Не вдаваясь в подробности критического анализа этих точек зрения, поскольку это не входит в цели данной статьи, отметим только, что третья точка зрения для развития наших знаний о термине выглядит более перспективной. Согласно этой точке зрения лексическое значение (как связь знака с исследуемым реальным объектом науки, денотатом) остается, как правило, постоянным, в то время как понятие об этом объекте (наше знание о совокупности основных его свойств, функций и отношений) может меняться. Однако думается, что при изучении соотношений понятия и лексического значения в термине мы не должны забывать и материальную сторону знака-термина, его план выражения, звуковую или графическую сторону, без учета которых исследование структуры термина было бы неполным. Поэтому, говоря о структуре научного термина, мы будем иметь в виду взаимоотношение в процессе функционирования термина трех его составляющих: понятия, лексического значения и плана выражения.

Как известно, диалектический материализм не признает существования застывших, раз и навсегда сформулированных понятий. Они находятся в постоянном развитии, и это развитие обусловлено развитием человеческой мысли, изменением наших представлений об окружающем мире, открытием все новых сторон исследуемого объекта науки. Таким

образом, главным «возмутителем спокойствия» в структуре термина является понятие. Приведем простейший пример с термином *предлог*. Лексическое значение этого термина (связь плана выражения с определенной группой слов, которая в истории языка может увеличиваться или уменьшаться) статично. Точно так же статичен и план выражения, то есть не меняется фонетический облик термина. Но понятие, закрепленное за данным словом, меняется. В первых русских грамматиках содержание термина *предлог* в соответствии с его внутренней формой — «предлежащее» — включает в себе две характеристики: местоположение по отношению к другим словам текста и неизменяемость. «Предлог есть часть слова (А. Л.: часть речи) несклоняема пред иными частями слова полагаемо» (Зизаний, 1596, с.162). С течением времени грамматисты пришли к выводу о том, что к сущностным характеристикам предлога относится прежде всего его функция в предложении и словосочетании, которая способствует выражению им различных отношений между словами. Следовательно объем понятия, закрепленного за термином, отражает лишь тот уровень знаний, который доступен науке в каждый конкретный момент её развития. Здесь мы лишний раз убеждаемся в том, что истина всегда конкретна. «Научные термины носят открытый характер. Они способны наполняться новым смыслом при развитии и смене самых концептуальных отношений» (Брянник 1981, с.31).

В связи с этим, кстати, намечается методологический подход к решению давнего спора о том, какой термин предпочтительнее: мотивированный или немотивированный. Иметь мотивированный термин — значит иметь сиюминутную выгоду, так как при смене концептуального (читай: понятийного) построения мотивация в лучшем случае нейтрализуется, в худшем — становится ложной.

И так, термином *предлог* представлен наиболее часто встречающийся тип взаимоотношений элементов структуры термина в процессе его функционирования: при статическом состоянии плана выражения и лексического значения термина объем его понятия меняется, что обусловлено выявлением новых, существенных свойств исследуемой единицы. Так если в «Грамматике...» М. Смотрицкого глагольное наклонение рассматривается как «случай, иже различный действия или страдания образ показывает», но не поясняется, в чем сущность «показа» этого образа, то А. Х. Востоков дает ответ на этот вопрос: наклонение выражает отношение действия к действующему лицу. Современное же учение о наклонении ещё более расширяет и уточняет объем понятия термина *наклонение*, вводя в объяснение сути рассматриваемой дифференциации глаголов понятие модальности: наклонение отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом, обозначает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим.

Ещё один пример, более приближенный к современному состоянию и функционированию русской лингвистической терминологии. Распространенное в традиционной лингвистике понятие *устойчивости фразеологических единиц, несвободных сочетаний*, которое предполагает регулярное воспроизведение их в тексте в одном и том же составе компонентов, оказалось непригодным для целей машинного перевода и в целом для задач автоматической обработки текста. Основанные на этом понятии классификации и определения несвободных сочетаний «не являются формальными и достаточно точными» (Мельчук 1960, стр. 73). Для прикладных целей лингвистам приходится открывать в явлении устойчивости такие стороны, знание которых позволило бы формализовать процесс описания устойчивых единиц. В этом случае определение понятия *устойчивость* вытекает из того, что «естественно называть устойчивым такое сочетание определенных элементов, в которых эти элементы встречаются гораздо чаще, чем в других сочетаниях», и соответственно «измеряется вероятностью, с которой данный элемент предсказывает совместное появление остальных элементов сочетания...» (там же).

Сам процесс становления понятия в истории научной мысли основан на том, что «...логическая функция понятия состоит в мысленном выделении по определенным признакам интересующих нас в практике и познании предметов (Философский словарь 1972). Естественно, что при своем возникновении понятие характеризуется наиболее явными, видными, так сказать, при первом приближении признаками. Но в ходе познания объекта обнаруживаются такие признаки, входящие в объем понятия о нем, которые раскрываются лишь при анализе отношений данной единицы, явления с другими единицами, явлениями, то есть при анализе особенностей функционирования их в структуре и системе. При этом безусловно возникают и начинают часто употребляться термины, характеризующие процесс познания, его методику и методологию. То есть диалектика развития понятия требует для познания своей сущности новые понятийные единицы, более высокого, концептуального, методологического уровня. И эти единицы, получив терминологическое наполнение, постепенно входят в ткань лингвистического повествования, в научный оборот, зачастую вытесняя (и это естественно) в количественном отношении единицы-термины низшего, предметного уровня.

Интересны в этом отношении списки (Кузьмина 1971) первых десяти по убывающей частоте встречаемости в текстах терминов, взятые из «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и нескольких статей журнала «Вопросы языкознания» за 1970 год. Термины М. В. Ломоносова: *глагол, имя, родительный падеж, ед. число, множ. число, именительный падеж, предлог, творительный падеж, винительный падеж, предложный*

падеж. Термины 1970 года: *язык, слово, система, значение, основа (слова), предложение, форма, фонема, речь, структура.*

Довольно часто лингвистическое явление, привлекающее внимание ученых, оказывается настолько сложным и многосторонним, что в течение длительного времени не поддается однозначному теоретическому анализу, понятийному осмыслению. При этом объект, нуждающийся в этом осмыслении (денотат), безусловно реально существует и более или менее легко выделяется в тексте. Известно, как трудно складывалось в языковедческой науке понятие о подлежащем и сказуемом, в то время как указание на эти единицы в предложении практически не вызывает трудностей. Любопытно то, что на протяжении значительного времени страдают понятийной неустойчивостью термины не только периферийного характера, а именно основополагающие, находящиеся в центре терминологической системы языковедческой науки. Так, например, термин *слово*, в зависимости от вкладываемых в него понятийных характеристик, имеет буквально десятки определений, но ни одно из них не получило в науке сколько-нибудь полного признания. Трудно найти два словаря, две статьи, две монографии, в которых этот термин толковался бы одинаково. Что же касается учебников и учебных пособий, то некоторые авторы, учитывая сложность определения понятия *слово*, вообще обходятся без такого определения, ограничиваясь указанием на эту единицу или приводя довольно обширное описание её свойств, как, например, это сделано у Кодухова 1979.

Отсутствует единое понимание и определение в русском языкознании, как это не раз отмечалось в литературе, таких основных терминов, как *язык, языковая система, языковое значение, языковая категория, речь, предложение, фонема, слог, залог, предикативность, формообразование* и др. В этих случаях мы имеем другой тип взаимоотношений элементов структуры термина: при статическом состоянии плана выражения и отчетливо воспринимаемом лексическом значении термина наблюдается расплывчатость и приблизительность его понятийных характеристик.

Эта неопределенность понятийных признаков в некоторых случаях не может не привести к третьему типу взаимоотношений элементов в структуре термина, когда при статическом состоянии лексического значения и расплывчатости понятийных признаков возникает неустойчивость плана выражения.

Обратимся к словам, которые Л. В. Щерба назвал *категория состояния* и которые в дальнейшем именовались по-разному: *безлично-предикативные слова, предикативные наречия, предикативные слова, предикативы*. Такой терминологический разнобой — явное следствие того, что не установлены границы понятия. Этим и объясняется, по-видимому, тот факт,

что в академических грамматиках русского языка; за исключением последней, 1980 года издания, категория *состояния* в качестве самостоятельной части речи не рассматривается.

Подобное соотношение элементов структуры термина часто характерно для начального этапа развития науки или при изучении нового объекта исследования. Так, в первых русских грамматиках 15—16 веков не было терминов и устоявшихся понятийных характеристик таких специфических для русского языка явлений, как *глагольный вид* и *предложный падеж*. Первые осознанные подходы к выделению категории вида при наличии терминов *начинательный* и *учащательный*, дающих представление о характере выражения действия, находим лишь у М. Смотрицкого. Он же впервые определил понятие *предложный падеж* (М. Смотрицкий называл его *сказательным*; современный термин принадлежит М. В. Ломоносову).

«. . . Типичным способом первоначального наименования, когда не установлено, какие признаки существенны для нового объекта (понятия), являются протяженные обозначения . . .» (Лейчик 1986). В связи с этим ср., например, следующие термины, приведенные в терминологическом указателе вузовского учебного пособия (Головин 1983): *зависимость (взаимная) языковых единиц и категорий; закономерность развития языка; значение слова и предмет; методика языкового соотнесения; основная грамматическая категория; сопутствующая грамматическая категория; функциональное понимание словесного значения.*

В любом случае несомненно то, что расплывчатость и приблизительность понятийных построений в структуре термина будит теоретическую мысль исследователей и заставляет их моделировать новые структуры таких терминов, в которых соотношение элементов все более приближалось бы к оптимальному взаимно-однозначному соответствию плана выражения, лексического значения и понятия.

Чрезвычайно важным, по нашему мнению, для расширения и уточнения представлений о том или ином объекте науки является ещё один тип взаимоотношений элементов структуры термина, когда статическому состоянию плана выражения и лексического значения соответствуют несколько понятий. Чисто внешне это явление напоминает обычную омонимию, однако наличие общего лексического значения не позволяет квалифицировать подобные отношения таким образом. Различный понятийный подход в данной ситуации обусловлен прежде всего тем, под углом зрения какой научной концепции, даже какого философского-методологического направления определяется тот или иной денотат. Поэтому термины, служащие названием такого объекта, иногда называют «методологическими омонимами».

В языкознании, как и в любой другой науке, известны течения и школы, создавшие свои терминологические и понятийные системы, напри-

мер, функциональная лингвистика, дескриптивизм, глоссематика и др. Однако терминами этих направлений, изъятыми из контекста концепций, их породивших, иногда пытались пользоваться лингвисты, не принадлежащие по своим взглядам к указанным школам. В связи с этим безусловно прав Р. А. Будагов, отметивший, что например, термины *набор*, *аранжировка*, *дистрибуция* и под. вне концепции дескриптивной лингвистики будут обладать иным понятийным наполнением (Будагов 1980).

Являются с этой точки зрения «методологическими омонимами» и известные истории науки различные трактовки термина *фонема*: психологическая, структурная, этимолого-морфологическая, фонема в понимании московской и ленинградской школ и пр. В. А. Звегинцев, комментируя «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо, пишет: «Трактовка Марузо... ряда собственно лингвистических понятий и явлений (например, видовых значений глагола или вопроса о залогах), а также некоторых терминов (например, *синтаксис*, *знак*, *система*, *фонема*, *сказуемое* и пр.) обуславливается принадлежностью его к «французской школе», где преобладающее влияние на языковедов поколения Марузо оказывало по преимуществу социологическое направление» (Звегинцев 1960).

Не следует, однако, думать, что «методологические омонимы» возникают лишь при условии различения методологических воззрений. Дифференциация понятий может реализоваться и в рамках одной концепции, одной методологии. Дифференцирующим моментом здесь может оказаться специфика изучаемого объекта, возможность его соотнесения с различными аспектами языковой действительности. Так, термин *текст*, например, по мнению Н. А. Лукьяновой и М. И. Черемисиной, «применительно к диалектологии наполняется специфическим содержанием, оно становится «другим» понятием по сравнению с тем, которое мыслится в этом термине применительно к письменному языку» (Лукьянова — Черемисина 1974). Эта специфика проявляется в том, что литературный (письменный) текст по воле исследователя может трансформироваться, в то время как диалектный — нет; текст литературного языка подчиняется, в отличие от диалектного, законам нормирования; литературный текст объективируется в письменной и устной форме, а диалектный — только в устной; автором литературного текста может быть и сам лингвист, автором диалектного текста лингвист быть не может.

В данной статье были рассмотрены лишь основные типы взаимоотношений элементов структуры термина, которые связаны прежде всего с нестатичным состоянием понятийных признаков. Однако имеются и другие комбинации проявления структуры термина в процессе его функционирования: при статичном положении понятия — неустойчивость плана выражения или лексического значения. Встречаются случаи, когда в разной мере расплывчаты и неустойчивы все три элемента структуры

термина. Но подобные примеры достаточно редки и, как кажется, в целом не определяют диалектику развития терминологической системы.

ЛИТЕРАТУРА

- БРЯНИК, Н. В.: Язык науки как система. В: Семиотические аспекты научного познания. Свердловск 1981, с. 31.
- БУДАГОВ, Р. А.: К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков. Вопросы языкознания, 1980, № 6, с. 7, 8.
- ГОЛОВИН, Б. Н.: Введение в языкознание. Москва 1983.
- ЗВЕГИНЦЕВ, В. А.: Предисловие к «Словарю лингвистических терминов» Ж. Марузо. Москва 1960, с. 7.
- ЗИЗАНИЙ, Л.: Грамматика словенска совершенного искусства осьми частей слова. Вильно 1596, с. 162.
- КОДУХОВ, В. И.: Введение в языкознание. Москва 1979, с. 184—185.
- КУЗЬМИНА, Н. Б.: Морфолого-семантические очерки русской терминологии языкознания. Канд. диссертация. Минск 1971, с. 94.
- ЛЕЙЧИК, В. М.: О языковом субстрате термина. Вопросы языкознания, 1986, с. 94.
- ЛУКЪЯНОВА, Н. А.—ЧЕРЕМИСИНА, М. И.: Понятия «язык», «речь», «текст» в диалектологических исследованиях. В: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. III. Новосибирск 1974, с. 131—134.
- МЕЛЬЧУК, И. А.: О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». Вопросы языкознания, 1960, № 4.
- ФИЛОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ, под ред. М. М. Розенталя. Москва 1972, с. 321.

ÚLOHA POJMU VE ZMĚNÁCH STRUKTURY VĚDECKÝCH TERMÍNŮ

na materiálu fungování ruských lingvistických termínů

V článku se definuje struktura vědeckých termínů jako vzájemný vztah tří funkčně spojených součástí — pojmu, lexikálního významu a plánu výrazu. Je přirozené, že se přitom zřetelně diferencují elementy pojem a lexikální význam. Lexikální význam zahrnuje spojení výrazové roviny se zkoumaným objektem a nemá tendenci ke změnám, zatímco pojem pevně spojený s termínem se v procesu fungování nemůže neměnit.

Autor analyzuje následující typy vztahů mezi prvky tvořícími strukturu termínu: 1. při statickém charakteru plánu výrazu a lexikálního významu se mění objem pojmu; 2. při statickém charakteru plánu výrazu a zřetelně chápaném lexikálním významu termínu — nezřetelnost a přibližnost jeho pojmových charakteristik; 3. při statickém charakteru lexikálního významu — neurčitost pojmových příznaků a nestálost plánu výrazu; 4. při statickém charakteru plánu výrazu a lexikálního významu — výskyt několika pojmů.

